

Информация об авторе

Цыремпилова Ирина Семеновна — доктор исторических наук, профессор, кафедра музейных технологий и охраны наследия, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, e-mail: irina161073@mail.ru.

Author

Tsyrempilova Irina Semenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Museum Technologies and Heritage Protection, East Siberian State Academy of Culture and Arts, 1, Tereshkova Str., 670031, Ulan-Ude, e-mail: irina161073@mail.ru.

УДК 614.2(571.5)(091)
ББК 5г(253.5)

В.А. ШАЛАМОВ

ВРАЧЕБНАЯ КОРПОРАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (по данным 1924 года)

В работе рассматривается «Список медицинских врачей СССР за 1924 г.» и возможности его использования при анализе кадрового состава медицинских работников Восточной Сибири.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, врачи Восточной Сибири.

V.A. SHALAMOV

MEDICAL CORPORATION EASTERN SIBERIA (according to 1924)

In the article «List of medical doctors in the USSR in 1924», and the possibility of its use in the analysis of cadre of health workers in Eastern Siberia.

Keywords: health care, medicine, doctors of the Eastern Siberia.

Данная статья является продолжением анализа справочных изданий, касающихся врачебного персонала Восточной Сибири. Для этого были использованы особого рода источники: в дореволюционной России издавались списки чиновников того или иного ведомства, где фиксировалась основная информация практически обо всех кадрах. Нами уже были проанализированы списки врачей за 1898 и 1913 гг., благодаря чему удалось проследить рост врачебной корпорации, изменение половозрастного состава, распределение по территории и ряд других интересных сведений [7; 8].

Список врачей за 1916 г. оказался последним изданием подобного рода до революции 1917 г. Однако у него имеется масса недостатков,

а именно, значительная часть врачей числилась по месту службы, а не по месту фактического положения, а так как шла Первая мировая война, то значительная часть врачей в реальности находилась либо на фронте, либо в тыловых госпиталях и в последующем многие из них не вернулись на прежнее место службы. Отсюда и отказ от использования данных сведений.

В первые годы после Гражданской войны Советская власть, не имея опыта государственного строительства, часто копировала дореволюционные образцы. В частности, в течение 1923 г. собиравались сведения о врачебном персонале, служащем на территории СССР, а в 1925 г. были изданы списки врачей [6]. Это был последний сборник подобного рода. Он представляет определенный интерес, что и привлекло автора к нему.

Чем отличается советский сборник от имперского? В преамбуле документа отмечено, что не удалось собрать сведения с ряда организаций, частнопрактикующих врачей и некоторых территорий. Действительно, в списках не удалось обнаружить, например, врачей из Якутской области. Впрочем, их число всегда было более чем скромным и серьезно общую цифру изменить эта недостача не сможет. Еще одно нововведение — отсутствие точного местоположения военных врачей. Они теперь фиксируются по округам, что затрудняет вычленение восточносибирских врачей. Кроме того, женщины-врачи теперь стоят на почетном первом месте, но это уже дань моде.

Всего согласно данному источнику в СССР числилось 31 156 врачей, из которых врачей-женщин было 9038 человек или 29%, что весьма много по сравнению с предшествующими периодами. В Восточной Сибири числилось 457 врачей, что составляло 1,5% от союзной корпорации врачей. Примерно такое же соотношение было и раньше. Сравнивая эти цифры с 1913 г. видим, что число врачей сократилось на 26 человек, что стоит признать незначительным, учитывая потери Первой мировой и Гражданской войн. Вероятно, приезд значительного количества специалистов в только что открывшийся Иркутский университет несколько нивелировало потери, понесенные в годы перемен.

Значительно выросло число женщин-врачей: с 23 до 113. Это тоже последствия войн. До Первой мировой войны женщинам доступ к высшему образованию был сильно ограничен, но в последующем женщин стали охотно набирать на медицинские факультеты и они восполняли кадровые потери. В Восточной Сибири женщины составляли четвертую часть всего врачебного персонала.

Кроме гражданских врачей имелись еще и военные. Всего в Сибирском военном округе работало 204 военврача. Однако мы не в состоянии вычислить, какое число из них находилось в Восточной Сибири. Вероятно, таковых было не менее сотни. Они редко работали с гражданским населением, хотя изредка участвовали в научных конференциях

совместно со своими коллегами из других ведомств. Вообще чувствует-ся большая замкнутость военных врачей в советское время.

Интересно посмотреть насколько изменилась возрастная характеристика врачебного персонала после Гражданской войны. Расчеты показали, что врачи распределялись следующим образом: 25–30 лет — 48 человек (10,5%), 31–40 лет — 184 (40,3%), 41–50 лет — 134 (29,3%), 51–60 лет — 65 (14,2%) и свыше 60 лет — 21 (4,6%). У пяти врачей возраст не был указан (1,1%). Таким образом, мы видим, что основной рабочей лошадкой медицины в Восточной Сибири по-прежнему были врачи от 30 до 50 лет, с некоторым преобладанием работников 30–40 лет. Врачей старше 50 лет сравнительно немного, хотя их число несколько увеличилось по сравнению с 1913 г., что объясняется нехваткой специалистов. Примечательно, что несколько сократилась доля самых молодых. Вероятно, сказывалась послевоенная разруха. В целом же никаких грандиозных разрывов в возрасте кадров не наблюдается. В Восточной Сибири врачебный персонал по возрасту мало изменился по сравнению с 1913 г.

Также подробно рассмотрим стаж врачей. Опыт работы до 5 лет от начала службы имело 104 человека (22,8%), от 6 до 10 лет — 105 (23,0%), от 11 до 15 лет — 94 (20,6%), от 16 до 20 лет — 50 (10,9%), от 21 до 25 лет — 43 (9,4%), от 26 до 30 лет — 37 (8,1%), от 31 до 35 лет — 9 (2,0%), от 36 до 40 лет — 7 (1,5%), от 41 до 45 лет — 6 (1,3%) и свыше 45 лет — 2 (0,4%). Из этого перечня мы узнаем, что свыше $\frac{2}{3}$ врачей работало в Восточной Сибири около 15 лет. При этом на каждую пятилетку падало примерно 20% врачебного персонала. Это как раз самый работоспособный возраст. Отсутствие резких рывков говорит о разумной кадровой политике. Примерно четверть врачей составляли специалисты со стажем от 16 до 30 лет. Здесь перед нами предстают умудренные опытом медицинские работники, большинство из которых либо побывали на фронтах нескольких войн, либо несли сверхнагрузки в тыловых врачебных участках и переполненных больницах. Отсюда понятно, что убыли этой категории вполне естественны. Оставшиеся 5% — это все прочие возрасты, что в основном совпадает с данными 1913 г.

В Енисейской губернии работало 123 врача или 26,9% всех специалистов Восточной Сибири. Женщин было немного — всего 21 человек, сказывались ограничения царского времени на допуск женщин к высшему образованию. Внутри губернии персонал распределялся неравномерно, как и в прошлые годы. Половина врачей (61 человек) работало в Красноярске, где были сосредоточены все узкие специалисты, а также административные работники. В Ачинске было всего 14 работников здравоохранения с высшим образованием, в Минусинске — 12, а в Канске — только 4. Особенностью Енисейской губернии было то, что много врачей было рассредоточено по отдельным селам и станциям железной дороги, что делало медицинскую помощь более доступной для населения.

В Иркутской губернии числилось 154 мужчины и 64 женщины, работавших в качестве врачей или 47,7% всех врачебных кадров Восточной Сибири. Здесь наблюдалась еще большая диспропорция, отчасти сложившаяся еще в предшествующий период. В Иркутске работало 182 врача или 83,5% всего врачебного персонала губернии. Такой разрыв связан с открытием в Иркутске в 1918 г. университета, где действовал медицинский факультет и несколько факультетских клиник, обслуживающих не только население губернии, но и всей Восточной Сибири и Дальнего Востока. По пять врачей имелось в Зиме и Черемхово, а также небольшое число в немногих населенных пунктах региона. В уездах серьезных изменений не произошло, отсюда постоянные жалобы на отсутствие квалифицированной медицинской помощи крестьянскому и инородческому населению.

В Забайкалье сложилось два центра притяжения медработников, что также связано с царским временем. Всего в регионе числилось 116 специалистов (88 мужчин и 28 женщин), которые составляли 25,4% всех врачей Восточной Сибири. Больше всего медицинских кадров с высшим образованием наблюдалось в Чите. Их было 72 человека или 62,1% от врачебного персонала Забайкалья. Вторым центром был Верхнеудинск (Улан-Удэ), где имелось 24 врача или 20,7%. В уездах численность медперсонала была невелика и вызывала те же нарекания, что и в Иркутской губернии.

Должностная номенклатура тяжело поддается систематизации. У 67 врачей (14,7%) не указано место работы и должность, а это делает бессмысленными дальнейшие расчеты, т.к. погрешность будет слишком велика. Однако отметим некоторые тенденции. Прежде всего, исчезли такие категории медперсонала как казацкие врачи, врачи ведомства его императорского величества, переселенческие врачи. Как и раньше около десятой части всех специалистов работало на железной дороге. Несколько сократилось число судебных и участковых врачей, вероятно, из-за пустующих вакансий. Появились новые категории врачебного персонала. Например, профессора и преподаватели медицинского факультета Иркутского университета, врачи страхкассы, противочумной станции, хиббактина, физкультурные врачи и врачи по охране материнства и младенчества.

В научных и публицистических изданиях часто можно прочитать, что местная интеллигенция после Гражданской войны чуть ли не целиком эмигрировала с остатками белых армий. Советская власть формировала уже новые кадры. Попробуем посмотреть, сколько осталось в регионе врачей, которые числились в списках 1913 г. В Енисейской губернии таковых насчитывается 26 мужчин и 4 женщины, что составляет 24,4% от количества дореволюционных кадров. В Иркутской губернии соответственно 35 мужчин и 2 женщины (17,0%). В Забайкалье — 25 мужчин и 3 женщины (24,1%). При этом в расчет не бралось то, что некоторые медработники сменили место работы внутри региона. Например, пересе-

ленческий врач К.В. Кибардин, работавший в Канске, после войны стал врачом больничной кассы в Чите, а военный врач И.Т. Ильин перебрался из Троицкосавска в Иркутск, где работал судмедэкспертом. В целом же стоит признать, что за десять лет войн и разрухи кадровый состав врачебного персонала Восточной Сибири действительно сменился кардинально. На местах осталась только пятая часть старых медицинских специалистов. Советской власти пришлось комплектовать медицинские учреждения теми людьми, которые оказались заброшенными в изучаемый регион. Подготовить сразу большое количество медработников не было возможности, хотя эта работа активно велась, поэтому брали всех, кто имел специальное образование. Большинство из них терпело Советскую власть и ждало возвращения старого режима. Многие готовы были уехать при первой же подвернувшейся возможности. Именно из-за этого многие фамилии начала 1920-х гг. быстро сменяются на новые.

С чисто практической стороны список врачей 1924 г. интересен только как справочное издание и не имеет самостоятельного значения. Однако при сопоставлении с подобными изданиями дореволюционного периода приобретает особую ценность во время поисков местонахождения той или иной личности. Например, автор данных строк длительное время пытался проследить судьбы восточносибирских врачей, оказавшихся на фронтах Первой мировой войны. Так, младший врач 16-го сибирского стрелкового полка (Сретенск) Ц.Ф. Бридицкий вместе со своей частью участвовал в боях с начала войны. В 1915 г. после ранения был эвакуирован в Петроград [1, № 12, с. 226]. Дальнейшая его судьба оставалась неизвестной. С помощью сборника мы узнаем, что в 1924 г. Ц.Ф. Бридицкий состоял военным врачом Дальневосточного военного округа. Младший врач 27-го сибирского стрелкового полка (Иркутск) А.П. Кошлаков также в 1915 г. был ранен и эвакуирован в Ровно [2, № 13, с. 263]. Рана оказалась настолько серьезной, что его комиссовали и в 1916 г. он занимался вольной практикой в Петрограде, а в 1924 г. мы застаем его уже в качестве санитарного инспектора в Ярославле. Старший врач 5-го сибирского саперного батальона (Иркутск) З.М. Малофеевич был ранен в 1915 г. и также подвергся эвакуации в Петроград. В 1924 г. он значится заведующим медицинским участком в с. Винниково Курской губернии [3, № 30, с. 597]. Таким образом, просматривая списки врачей конца XIX — начала XX вв. можно по контуру представить основные вехи служебной деятельности того или иного врача.

Особо нужно отметить, что формально бюрократический список обращает на себя внимание не только сухой статистической информацией. В нем значатся не только рядовые и генералы от медицины. Порой тут можно встретить весьма известные имена. Приведем хотя бы некоторые.

В.Г. Шипачев был известным профессором Иркутского университета и медицинского института. Ему принадлежит первенство в разработке и проведении пластических операций на руке. Он являлся активным ис-

следователем эндемических заболеваний, в частности эндемического зоба. Именно благодаря его стараниям были открыты противозобные станции в Забайкалье и в Иркутске. В 1944 г. В.Г. Шипачеву присвоили почетное звание Заслуженный деятель науки РСФСР [9, с. 20–21].

З.Г. Франк-Каменецкий являлся крупнейшим офтальмологом Восточной Сибири. Его научные труды известны не только в России, но и за рубежом. В 1930-е гг. он выделил новую форму глаукомы, которая теперь носит его имя. Заслуженный врач РСФСР, профессор Иркутского университета и медицинского института. В Иркутске в честь него названа одна из центральных улиц города [9, с. 255–256].

Н.Д. Бушмакин был профессором Казанского университета, крупнейший анатом и организатор. Его выбрали одним из первых ректоров университета в Иркутске, в последующем он стал первым ректором Хабаровского медицинского института [2, с. 218].

М.С. Малиновский стал организатором кафедры акушерства и гинекологии в Иркутском университете в 1920 г. В дальнейшем ему присваивается звание академика РАМН СССР. Малиновский является основоположником оперативного направления в акушерстве, был организатором Всесоюзного института экспериментальной медицины [2, с. 212].

В.М. Крутовский многие годы возглавлял культурные силы Красноярска. Он являлся известным врачом, публицистом, талантливым руководителем, сумевшем работать на благо сибиряков не только в имперское время, но и в годы Советской власти [3, с. 66]. Он был одним из старейших врачей Сибири, готовым передавать свой опыт молодому поколению, поэтому неудивительно, что он был директором фельдшерской школы в Красноярске вплоть до своего ареста в 1937 г.

Пепеляев Владимир был родным братом известного колчаковского генерала Анатолия Пепеляева и главы его правительства Виктора Пепеляева. Он закончил Томский университет только в 1922 г. и работал в Ачинске в качестве главного врача дезинфекционного отряда. В 1930-е гг. он перебрался в Ярославль, где был госсанинспектором. В 1938 г. осужден на 10 лет. Весь срок работал тюремным врачом. В 1949 г. осужден на поселение в Больше-Улуйском районе Красноярского края, где и жил до 1954 г.

П.К. Флегонтов был крупнейшим организатором медицины в Забайкальском крае после Гражданской войны. К концу Первой мировой войны он возглавлял военный госпиталь в Чите, после Февральской революции принял активное участие в реформировании системы здравоохранения, в годы нэпа являлся организатором страховой медицины, а в 1924 г. стал первым заведующим больницы имени В.И. Ленина. В 1937–1940-х гг. находился под арестом, но «делу врачей» в Чите не суждено было увенчаться успехом, поэтому его освободили, однако профессиональной деятельностью он уже не занимался [4, с. 113–116].

А.Л. Цейтлин один из известнейших врачей Забайкалья начала XX в. В течение 30 лет этот человек возглавлял городскую больницу Читы, являясь по сути ее организатором. Активно участвовал во многих общественных организациях, пытаясь улучшить положение медицинского персонала и больных [5, с. 93–95]. С его именем связаны все реорганизации больничного дела в Забайкалье в 1920-е гг.

Данный реестр можно с легкостью продолжить. Список врачей 1924 г. содержит немало интересных имен, многие из которых остаются неизвестными для широкой аудитории. Анализ их деятельности — тема, требующая дальнейшего исследования.

В заключение стоит отметить, что проанализированный сборник является попыткой советских властей применять опыт дореволюционного управления. Однако в условиях слома старого строя подобный сборник оказался бессмысленным. К тому же он явно грешит полнотой содержания, что сказывается на информативности. Тем не менее, этот источник позволяет сделать анализ возрастной структуры врачебной корпорации Восточной Сибири, оценить стаж работников здравоохранения, проследить их местопребывание. Список врачей является хорошим справочным изданием, позволяющим уточнять биографические сведения, что весьма полезно при слабой изученности данной тематики.

Список использованной литературы и источников

1. Врачебная газета. — 1915.
2. Иркутский государственный медицинский университет (1919–2009) / гл. ред. И. В. Малов. — Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2009. — 548 с.
3. История Красноярского края : в 3 т. / А. М. Ануфриев, Т. В. Кузнецова, А. П. Степанов, К. И. Титенко. — Т. 3 : Медицина. — Красноярск : Изд-во «Буква С», 2008. — 384 с.
4. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2012 год / ред.-сост. Г. И. Погодаева. — Чита : Чит. тип., 2012. — 262 с.
5. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области на 2008 год / ред.-сост. Р. И. Цуприк. — Чита : Чит. тип., 2008. — 184 с.
6. Список медицинских врачей СССР (на 1 января 1924 г.). — М. : Издание Наркомздрава РСФСР, 1925. — 827 с.
7. Шаламов В. А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным 1898 г. / В. А. Шаламов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — С. 390–395.
8. Шаламов В. А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным 1913 г. / В. А. Шаламов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. : история. — 2014. — Т. 7. — С. 88–93.
9. Шантуров А. Г. Заслуженные профессионалы России — преподаватели и воспитанники ИГМУ / А. Г. Шантуров, Г. М. Гайдаров. — Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 1999. — 336 с.

Информация об авторе

Шаламов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социальных наук, Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета (филиал в г. Иркутске), 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

Author

Shalamov Vladimir Alexandrovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History, Philosophy and Social Sciences, Eurasian Linguistic Institute of Moscow State linguistic University, 8, Lenin Str., 664025, Irkutsk, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

УДК 957.1

А.В. ШУМИЛОВ

ББК 63.3 (253.5)

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Анализируется государственная политика в отношении старообрядцев (раскольников) во времена правления Николая I. Рассматриваются вопросы изучения истории церковного раскола, его учения и географии, принимаемые правительством меры к правильному исчислению раскольников и ограничению его влияния в обществе.

Ключевые слова: старообрядчество, Николай I, церковный раскол.

A.V. SHUMILOV

REPRESSIVE POLICIES OF NICHOLAS I FOR THE OLD BELIEVERS

Analyzes the state policy towards the Old Believers (splitters) during the reign of Nicholas I. The problems of studying the history of the church schism, his teachings and geography, government action to correct the calculation of dissenters and limiting their influence in society.

Keywords: Old Believers, Nicholas I, schism.

Период правления Николая I стал для старообрядчества самым репрессивным, со времен царя Алексея Михайловича и царевны Софьи. Ознаменовался он ужесточением законодательства, закрытием старообрядческих храмов, ссылкой и физическим наказанием староверов, вплоть до уголовного преследования [3, с. 28].

Существует мнение о том, что в начале царствования император Николай I долго колебался какую позицию занять по отношению к старообрядчеству. Так профессор С.А. Зеньковский говорит о давлении на Николая I со стороны отдельных местных администраторов, таких как Пермский губернатор К.Л. Тюфлев, так и представителей официальной церкви, склоняющие императора к более решительным мерам [2, с. 449].